

Владимир Булавин рассказывает о реформе таможенной службы

Многолетний конфликт между силовиками и таможенниками внутри ФТС прошлым летом закончился скандальным уходом из службы ее руководителя Андрея Бельянинова и приходом на его место человека, который в делах таможни не разбирался, зато три десятка лет проработал в органах госбезопасности. Теперь в таможню вернулись прикомандированные сотрудники от ФСБ.

Сам Булавин в своем первом интервью «Ведомостям» назвал приоритетами в работе снижение нагрузки на бизнес и борьбу с коррупцией.

– Тяжело ли было возглавить ФТС после скандальных обысков и последовавшего за этим ухода прежнего руководителя таможни Андрея Бельянинова?

– Трудно было не столько из-за того, как закончил карьеру в ФТС мой предшественник, а потому, что для меня это новая и довольно сложная сфера, я к ней практического отношения не имел. Нужно было разобраться в таможне, и пока до сих пор разбираюсь. (Смеется.)

– Вы говорите, что не имели отношения к таможне. Но с вашим именем связывали дело о контрабанде [по делу гендиректора многоотраслевого холдинга «Форум» Дмитрия] Михальченко, а с ним – отставку Бельянинова.

– Не могу подтвердить эту версию, это никак не связано. Как у полпреда у меня был большой функционал по Северо-Западу, но делом Михальченко занимались правоохранительные органы и спецслужбы, полпредство никакого отношения к этому не имело.

– Насколько неожиданным было предложение возглавить таможню?

– Для меня это было полной неожиданностью. Я понимал, что возможны какие-то предложения, но откровенно говорю: таможня стала полной неожиданностью.

– Какая была атмосфера в службе, после того как ее руководитель был уволен с таким скандалом?

– Конечно, ненормальная – и я понимал, что нужно было нормализовать атмосферу. Но, несмотря на эмоциональную нагрузку, и руководство, и люди на местах сработали достаточно уверенно и выполнили прогнозное задание 2016 г.

– Какие задачи перед вами ставились?

– Задачи определены законодательством, повторять их мне не нужно было. Обеспечить полноту взимания и перечисления в бюджет таможенных платежей, снизить административную нагрузку на бизнес, содействовать развитию внешней торговли, повышению деловой активности и инвестиционной привлекательности страны, решать задачи в сфере экономической безопасности. Других задач не ставилось.

– СМИ писали, что вы должны были наладить не очень простые отношения между таможней и ФСБ.

– Были некоторые сложности во взаимоотношениях, сейчас их стало значительно меньше. В ФТС не было прикомандированного сотрудника от ФСБ в должности замруководителя, курирующего правоохранительный блок. Сейчас такие люди появились и в центральном аппарате, и на местах.

– А версия, что ФТС сильно слилась с ФСО и нужно было вывести таможню из-под влияния ФСО.

– Впервые от вас это слышу. Придя в ФТС, я не увидел фактов, подтверждающих эту версию.

«Ощущения от коррупции»

– Проблема коррупции есть?

– Думаю, эта проблема была сформирована в большей степени общественным мнением. Из-за событий перед моим назначением отношение к таможене ухудшилось. А восстановить имидж труднее, чем его потерять. Но коррупция есть и в других органах власти. Один мой знакомый говорил: держать пальцы в меде и не облизать их противоречит внутреннему устройству человека. Надо или укорачивать пальцы, или отодвигать бочку с медом. Чем, собственно, и занимаемся. Главная составляющая борьбы с коррупцией – профилактика. В начале года создали в центральном аппарате и региональных управлениях комиссии по профилактике коррупционных правонарушений, сейчас решили сделать их и на уровне таможен. Они должны ответить на закономерный вопрос, который был и у меня, – мы таких людей принимаем или они у нас такими становятся? Если принимаем – надо посмотреть на фильтры при оформлении на службу. Если становятся, значит, на местах нет контроля. Руководители, начиная от начальников постов и заканчивая руководством ФТС, должны владеть и управлять ситуацией «на земле».

– И как ситуация изменилась за последний год?

— Если взять количественные показатели, ситуация сильно не меняется, но в каждом уголовном деле надо разбираться, есть дела по взяткам в 500 руб. Кстати, дел в отношении взяткодателей существенно больше, чем в отношении взяткополучателей. Резонансных коррупционных ситуаций в этом году нет (стучит по столу), в прошлом были. По ощущениям, ситуация меняется в лучшую сторону.

— На чем основаны такие ощущения?

— Изменились подходы, в том числе благодаря комиссиям, конкретные начальники стали чаще бывать на таможенных постах, даже завели там журналы посещения. Повысили контроль за таможенниками, тщательнее стали оценивать кандидатов, а главная системная мера — реформа таможенного администрирования и создание Центров электронного декларирования (ЦЭД). Они как раз и помогут сделать так, чтобы пальцы были меньше в меде.

Сейчас у нас 672 места таможенного оформления, из них 537 таможенных постов и остальное — отделы таможенного оформления и таможенного контроля. Мы хотим сократить их число до 16: создадим восемь электронных таможен в столицах округов, ЦЭДы в Калининградской и Московской областных таможнях, электронную таможню Московского авиаузла, ЦЭДы в энергетической и акцизной таможнях и в портовых таможнях — Новороссийске, Владивостоке и Санкт-Петербурге. Всего 16 ЦЭДов. Туда будет перенесен весь процесс оформления, а у таможенных постов останется одна функция — фактический контроль. Мы разорвем личный контакт участника внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и выпускающего инспектора — и снизим коррупционные риски.

Изначально вообще хотели создать один большой ЦЭД на всю Россию, но пока бывают сбои в информационных системах, а сбой в работе единого ЦЭДа мог бы остановить таможенное оформление по всей стране. Есть и особенности в оформлении — акцизные, авиационные, морские, энергетические таможни.

Еще одна мера — мы размещаем ЦЭДы на госплощадях, уходя с частных площадей и складов временного хранения, это уменьшит влияние их собственников на таможенников. Это коренная реформа таможенного администрирования. Наши предложения были одобрены президентом и правительством. Сделаем все за три года к 2021 г. Только на первый взгляд кажется, что это просто.

— Куда денутся лишние сотрудники?

— Некоторые должности освободятся, но мы их не сократим, есть направления, где не хватает людей: на контроле после выпуска товаров, который бизнес считает перспективным направлением, хотя мы пока не настолько оптимистичны. Не хватает сотрудников в борьбе с санкционными товарами. Мы бы хотели сохранить и фонд оплаты труда, чтобы стимулировать сотрудников, в том числе в ЦЭДах.

— **Чувствуете ли вы в службе сопротивление автоматизации?**

— Внутри — нет. Скорее некоторые люди опасаются за свои рабочие места, но мы сделаем все, чтобы сохранить специалистов.

— **Со стороны околотамованного бизнеса есть сопротивление?**

— Есть некоторое негативное восприятие. Неоднозначно относятся и отдельные руководители регионов, но мы проведем с ними системную разъяснительную работу.

— **А почему руководители регионов?**

— Думаю, они передают обеспокоенность бизнеса и ряда наших руководителей на местах. Благополучие притамованного бизнеса связано с нахождением на их площадях наших таможенных постов.

— **Можно оценить этот околотамованный бизнес?**

— Для этого нужно еще одно подразделение ФТС создавать.

— **Бизнес опасается, что часть документов все равно придется представлять на бумаге и издержки на их доставку в один из этих 16 центров будут большими. Есть ли в планах сделать весь процесс оформления электронным?**

— Мы такие риски учитывали: подать документы на бумаге можно будет на постах фактического контроля. Этот механизм уже сейчас работает. Возможно, какие-то риски

мы сейчас не предвидим, но во время реформы решим все проблемы.

— Один из ЦЭДов сейчас находится в Бронке, бизнес давно просит перенести его в Санкт-Петербург. Что будет с ним?

— Будучи полпредом, я не поддержал создание там ЦЭДа, но, перейдя в ФТС, изменил мнение, к нему никаких нареканий нет. Но во время реформы ЦЭД из Бронки все равно уйдет, как и из остальных портов. ЦЭДы будут равноудалены от всех участников ВЭД.

Бизнес жалуется

— Одна из проблем таможни — низкий кредит доверия со стороны бизнеса, как его повысить?

— Вы говорите о степени доверия бизнеса, но и таможня может говорить о доверии бизнесу. В прошлом году, когда я первый раз посмотрел на систему категорирования участников ВЭД, в секторе с минимальными рисками было всего 3,5% всех компаний. Мы посмотрели, что можем сделать, чтобы расширить «зеленый сектор». Сейчас в нем чуть меньше 10% участников ВЭД — втрое больше, чем год назад.

При участии бизнеса мы подготовили комплексную программу развития ФТС до 2020 г. Один из разделов — 10 шагов навстречу бизнесу. Правда, встал вопрос, какие шаги бизнес сможет сделать навстречу таможне?

— Какие шаги зафиксированы в комплексной программе?

— Все они связаны с ускорением таможенного оформления: в 2020 г. будем автоматически регистрировать 99% всех деклараций, автоматически выпускать 80% деклараций участников низкого уровня риска, без участия инспектора. К 2020 г. выйдем на нужный уровень доверия.

— Почему вы не хотите открыть критерии, по которым относите участников ВЭД к той или иной категории риска [из трех]?

— Основные критерии были опубликованы в декабре 2016 г. Есть опасения, что бизнес начнет мимикрировать под критерии. Придет время, и, возможно, мы все параметры раскроем, нужно двигаться навстречу друг другу.

— Но, может быть, подстраиваясь под критерии, бизнес будет вынужден уходить от серых схем?

— В этом году был наглядный пример: компания из «зеленого сектора» (низкая категория риска. — «Ведомости») несколько лет возила рыбу, никаких претензий не было. Затем подала документы на получение статуса уполномоченного экономического оператора. Включили в реестр — и тут же они ввезли три состава китайского ширпотреба по заниженной стоимости. Потом догоняли, разбирались.

— Вы упомянули автоматическую регистрацию деклараций, бизнес часто жалуется, что таможенники придираются к каждой запятой в декларации, зачем?

— Это не таможенники придираются, а машина жалуется на невнимательность бизнеса. Это вопрос не к таможене.

— Насколько критичны такие ошибки?

— Если вы идете в загс, там тоже нужно заполнить форму по правилам, иначе ее не примут (смеется). Правила едины для всех участников ВЭД.

— Но эти ошибки — повод для мелких штрафов, переоформление занимает время,

не проще ли закрыть на них глаза?

— Мы всех призываем уйти от огульных претензий к таможене. По каждому факту разберемся, сбои в работе таможни бывают, но и наносного очень много.

— В рейтинге Doing Business, который отражает условия для ведения бизнеса, таможня — самое слабое место, что делаете, чтобы упростить условия?

— Мы так не считаем. Показатель «международная торговля» оценивает работу не только таможни, но и администрации портов, разгрузочно-погрузочные работы, их цену, подъездные пути — как быстро можно вывезти контейнер. Кроме того, несмотря на предельно четкую методологию показателя, респондентами оцениваются в целом взаимоотношения таможни и бизнеса, по нашим ощущениям, положительная динамика здесь есть. Очередные оценки будут выставлять в конце октября. Поживем — увидим, если, конечно, не вмешается политика.

— Однако и президент ориентируется на Doing Business, оценивая работу правительства.

— Но это не единственный показатель, по которому президент оценивает нашу работу.

— Какие схемы незаконного растаможивания используются сейчас?

— Тут никто ничего нового не придумал: вес, страна происхождения, код товарной номенклатуры и таможенная стоимость. Например, в этом году в Усть-Луге остановили около 500 контейнеров, непоказанный вес — 4500 т. Сразу после проверки в Прибалтике и Гамбурге остановилось движение еще 3000 контейнеров в нашу сторону. То же самое произошло и на Дальнем Востоке. Много примеров, когда под прикрытием китайского хрусталя завозится европейский, ввозят так и светильники, и мебель.

Вместе с ФНС, врозь с ФНС

— С контрабандой сейчас тяжелая ситуация? Какие самые проблемные секторы?

— Одежда, обувь и электроника, но картина не статичная, завтра может появиться что-то еще. Ситуация не критичная. Наш правоохранительный блок стал работать более прицельно.

— Вы вместе с ФНС собираетесь создавать систему сквозного прослеживания, как она будет работать?

— Могу пока сказать только в общих чертах: хотим создать систему, которая прослеживала бы товар от пересечения границы или таможенного оформления до выпуска через кассы торговых компаний. У каждой торговой партии и подпартии будет свой номер, ФНС его будет использовать, чтобы отслеживать товарные партии при их дроблении вплоть до продажи. Таможня будет получать по обратной связи из системы информацию о том, какая указана страна происхождения, как оформлен товар, будет контроль за весом и количеством ввезенного товара при последующей реализации. Минфин идею одобрил, сейчас разрабатываем совместную систему.

— ФТС собирается пересмотреть вместе с ФНС критерии отбора компаний для проверок на основе единых для обеих служб критериев. Как это будет работать?

— Мы получаем от ФНС данные в отношении участников ВЭД — налоговую историю, их контрагентов, все это учитывается в нашей системе категорирования компаний. Уже в этом году провели около 570 совместных проверок и довыскажи около 1 млрд руб.

— В свое время была идея физического слияния ФНС и ФТС. Обсуждается ли она сейчас?

— Слить можно все, что угодно, но функции таможенной и налоговой служб как они были, так и останутся, как и принципиальное различие в организации их работы. Некоторые страны действительно шли по такому пути. Но, например, в Канаде спустя несколько лет таможенную и налоговую опять разделили.

— В отличие от ФНС судебные споры не самая сильная сторона таможни. ФНС и ФАС пошли по пути создания досудебного регулирования, собираетесь ли у себя вводить его?

— Почему не самая сильная сторона?

— Исходя из доли проигранных дел в судах в некоторых регионах она достигает 80%.

— Такие регионы есть, но с ними нужно отдельно разбираться. У нас уже есть ведомственный контроль за решениями по корректировке таможенной стоимости, в этом году больше 40% решений отменено. Мы не считаем, что таможня на 80% не права. Для суда основной критерий определения таможенной стоимости — документы с ценой, по которой товар был изначально куплен, но нам могут нарисовать любой документ с любыми цифрами. Мы идем в суд с заключениями своих экспертов, но иногда они ставятся под сомнение. Сейчас думаем, как привлечь независимых экспертов, чтобы они могли в суде толково объяснить, какой должна быть таможенная стоимость. По Дальнему Востоку тоже работаем, в этом году число судебных решений в пользу ФТС в регионе выросло на 6%.

Кто зарабатывает на санкциях

— Главным бенефициаром от контрсанкций стала Белоруссия, которая завозит санкционные продукты под видом белорусских. Вы знаете, кто стоит за ввозом таких товаров и кто в России с ними работает?

— Главная проблема в том, что наши партнеры по Таможенному союзу не

присоединились к нашим ответным мерам на санкции. Они как завозили товары из этих стран, так и завозят. Предприниматели эти товары из Белоруссии вывозят в Россию, а белорусы говорят: «Мы тут при чем? Они все это купили на рынке, у нас такие товары выпущены в свободное обращение». И приходится пресекать это уже в России. Для этого мы создали 35 мобильных групп, 14 из них — на границе с Белоруссией, 21 — с Казахстаном. За этот год они остановили 102 000 грузовиков, проверили 2,7 млн т, из которых вернули 21 000 т, уничтожили 5800 т и задержали 2300 т. Надеемся, что от деятельности мобильных групп будет значительный профилактический эффект. Сейчас думаем, как построить работу на системной основе. Уже перестали бегать условно за санкционкой по брянским лесам, где в одном месте даже «прорубили» в лесу грейдерную дорогу в 17 км, чтобы объехать контроль. И начали работать на федеральных трассах, у крупных плодоовощных баз в Москве и Санкт-Петербурге, начинаем работать с бизнесом, который везет санкционные товары. Теперь нужно создать штатные подразделения мобильных групп.

Еще одна проблема с Казахстаном, который присоединился к ВТО на особых условиях, согласившись растаможивать товары по более низким ввозным пошлинам, их около 3000 наименований. Ввозить в другие страны такие товары они не могут. Сейчас мы их просто возвращаем, но практический эффект от этого небольшой, поэтому добиваемся права уничтожать такие товары.

— Известно, кто с российской и белорусской стороны бенефициары всех этих схем?

— Картинка динамичная (смеется), но бенефициары, конечно, известны.

— Можете их назвать?

— Не хотел бы.

— Обсуждается ли сейчас легализация параллельного импорта? И нужно ли его разрешать?

— Идет дискуссия, решения нет. Мы поддерживаем параллельный импорт социально значимых товаров (лекарств, медицинских изделий), но разрешить так ввозить вещи для коммерческого использования, например автозапчасти, — другая история.

Защита в онлайнe

— В правительстве обсуждается снижение порога беспошлинного ввоза товаров при онлайн-покупках до 20 евро, дополнительные доходы даже заложены в проект бюджета. Личные посылки сразу подорожают, нужно ли это делать?

— Вся Европа пошла по этому пути, в Финляндии с 2018 г. вообще отменяют порог, сейчас он тоже 20 евро. В 2016 г. в Россию было отправлено 275 млн почтовых посылок с товарами, в этом году будет около 400 млн. Понятно, что это не единичные посылки, а товарные партии, понижение порога — это просто защита производителей и экономики.

— На какой стадии сейчас обсуждение и когда может быть принято решение? Это будет снижение порога или введение НДС на интернет-торговлю?

— Активно вопрос обсуждался в прошлом году, возможно, решение будет принято в 2018 г., но это вопрос к правительству. Мое личное мнение: нужно сдерживать такой поток товаров.

— Но глобализацию не остановить, она повышает конкурентоспособность экономики.

— Не остановить, но какие-то защитные механизмы нужно выработать.

Елизавета Базанова, Филипп Стеркин